

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ БОЛОТНИКОВА
(ПОВОЛЖСКИЕ ОТПИСКИ, НАЙДЕННЫЕ В. И. КОРЕЦКИМ,
И «ПРАВИТЕЛЬСТВО» «ЦАРЯ ДИМИТРИЯ»)

И. И. СМЕРНОВ

I

В ходе работы над главой о «Крестьянской войне 1606—1607 гг.» для книги «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков»¹ мне бросилось в глаза, что в документах о движении в Поволжье во время восстания Болотникова, найденных и опубликованных В. И. Корецким в журнале «Исторический архив» и в сборнике «Восстание И. Болотникова», два центральных по значению места, где речь идет о «царе Димитрии», дошли до нас в дефектном виде и опубликованы В. И. Корецким с его конъектурами. Конъектуры эти касались названия того географического пункта, о котором шла речь в связи с царем Димитрием и который в обоих случаях был расшифрован В. И. Корецким как «Коломна»:

1. «Посыл[ал] касимовский царь проводывати на Колом[ну] про государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии».

2. «А государь деи наш царь и великий [князь] Дмитрий Иванович всеа Русии ныне в Ко[ломне]»².

Конъектуры В. И. Корецкого вызвали у меня сомнение: мне показалось странным заявление о нахождении «царя Димитрия» «в Коломне» — городе, об активной роли которого во время крестьянской войны 1606—1607 гг. нет ни одного свидетельства источников³.

¹ В. В. Мавродин, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, И. И. Смирнов. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков., М.—Л., 1966.

² В. И. Корецкий. К истории восстания Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 129; см. также «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы». Сост.: А. И. Копанев и А. Г. Маньков, М., 1959, стр. 208. Следует отметить, что указание на то, что слово «Коломне» во втором акте сохранилось в дефектном виде, в количестве первых двух букв «Ко» имеется лишь в сборнике «Восстание И. Болотникова». В публикации же в «Историческом архиве», несомненно по вине корректуры, квадратные скобки как знак восстановления текста отсутствуют, что создает неверное представление о том, что в данном месте текст сохранился полностью. Необходимо также отметить, что слово «ныне» во втором из актов представляет собой вставку в первоначальный текст, сделанную той же рукой над строкой. Это важное обстоятельство, к сожалению, осталось не отмеченным при издании.

³ До последнего времени единственным источником наших сведений о Коломне во время восстания Болотникова был «Новый Летописец» с его сообщением о том, что двигавшиеся на Москву восставшие крестьяне и холопы «град же Коломну взяша взятъем и разориша его и пришед стаха от Москвы за 50 верст» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 72). С этим известием точно совпадает сообщение И. Массы о том, что «Болотников занял также Коломну, город по реке Москве, неподалеку от Оки и стал станом против московского войска в 12 милях от Москвы» (И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 156). Более подробные сведения о Коломне в период осады Болотниковым Москвы дает найденная Р. Г. Королевой «Расходная книга Денежного стола Разрядного приказа», содержащая три записи, относящиеся к Коломне. Первая из записей от 24 ноября 1606 г. отмечает выдачу денег «коломенскому посадцкому человеку Васке Овдокимову сыну Колачникову», с указанием на то, что он «пришел с Коломны от посадцких старост и целовальников с вестьми». Две

С другой стороны, оба рассматриваемых документа относились, по датировке В. И. Корецкого, к ноябрю 1606 г., т. е. к тому моменту, когда Болотников стоял под Москвой, в Коломенском. Вот я и сделал предположение: не идет ли в документах речь не о «Коломне», а о «Коломенском»? ⁴.

Должен сразу же сказать, что моя гипотеза в конечном счете оказалась ошибочной,— во всяком случае в ее позитивной части. Однако это выяснилось лишь позднее. Пока же было ясно, что необходимо проверить и конъектуры В. И. Корецкого, и мое предположение. А это требовало обращения к самим оригиналам документов ⁵.

Оказалось, что нечитаемые окончания слов в документах находятся под заклеяками, которыми были оклеены ветхие края столбцов при реставрации в архиве в XIX в. Это создавало возможность выяснения действительного текста путем расклейки заклеенных мест или иными методами.

Однако попытки такой расклейки в реставрационных мастерских ЦГАДА, равно как и применение просвечивания и фотографирования заклеенного текста, оказались безрезультатными, и начальник ЦГАДА В. Н. Шумилов сообщил мне об этом. Документы были переданы для прочтения и реставрации в Ленинград в Лабораторию консервации и реставрации документов (ЛАКОРЕД) АН СССР. Заведующий ЛАКОРЕД В. С. Люблинский согласился продолжить работу над документами, хотя и обратил внимание на то, что текст под заклеяками может оказаться испорченным в результате химической реакции чернил с клеем.

В итоге специалисты ЛАКОРЕД Т. М. Субботина и Д. П. Эрастов блестяще справились с задачей — сначала расклейки, а затем прочтения заклеенного текста (см. фото 1 и 2).

Я не буду говорить о технике реставрации. Этому посвящено специальное сообщение Д. П. Эрастова ⁶, а я перейду к итогам и результатам работы.

Другие записи относятся уже ко времени после поражения Болотникова под Москвой. Одна из них, от 12 декабря сообщает о посылке «из Московского Разряда на Коломну к посадким старостам и к целовальникам и ко всем посадким людям государеву жалованье за службу» — в виде 1000 денег золоченных. «за то, что они, добив челом государю воров в город не пустили и воров побили». Наконец, в третьей записи, от 21 декабря говорится о даче «государева жалованья за службу» («по Ноугородке по золоченной»). «Торопецким стрельцам приказа Рахманина Грабленова, «которые были на Коломне в осаде и присланы к Москве с языки». («Исторический архив», т. VIII, М., 1953, стр. 34, 36 и 37); «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», стр. 277, 279 и 280). Из этих записей следуют два весьма важных вывода: во-первых,— сидение «на Коломне в осаде» стрельцов означает, что каменный Коломенский кремль не был захвачен войском восставших во время взятия Коломны и оставался в руках войск В. Шуйского во все время нахождения Коломны в руках восставших. Во-вторых, «посадские старосты и целовальники» Коломны, т. е. власти Коломенского посада, занимали враждебную позицию по отношению к восстанию во время осады Москвы Болотниковым, проявлявшуюся в тайных сношениях с Москвой, а после поражения Болотникова под Москвой выразившуюся в том, что они «добив челом государю воров в город не пустили и воров побили». В свете этих материалов становится совершенно очевидным, что обстановка Коломны исключала возможность нахождения там центрального «стана» «царя Димитрия», равно как и рассылку из Коломны «государевых грамот» «за красной печатью», которые могли рассылаться лишь из царского стана. С другой стороны, Коломна именно поэтому была очень подходящим местом для того, чтобы разузнавать («проведывати») как относительно «царя Димитрия», так и вообще «для вестей», т. е. именно для того, о чем говорится применительно к Коломне в отписке № 1.

⁴ Любопытно, что попытка решить вопрос чисто текстологическим путем — подсчетом букв давала результаты, казалось, подтверждающие правильность именно «Коломенской» гипотезы. Ибо из сопоставления с соседними строками получается, что количество букв на не сохранившемся крае столбца в обоих случаях больше, чем нужно для «Коломны», и как раз соответствует «Коломенскому».

⁵ ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, Арзамас 1617 г., стб. 22519, ч. 1, л. 128, об., л. 127 об.

⁶ См. далее стр. 72—73.

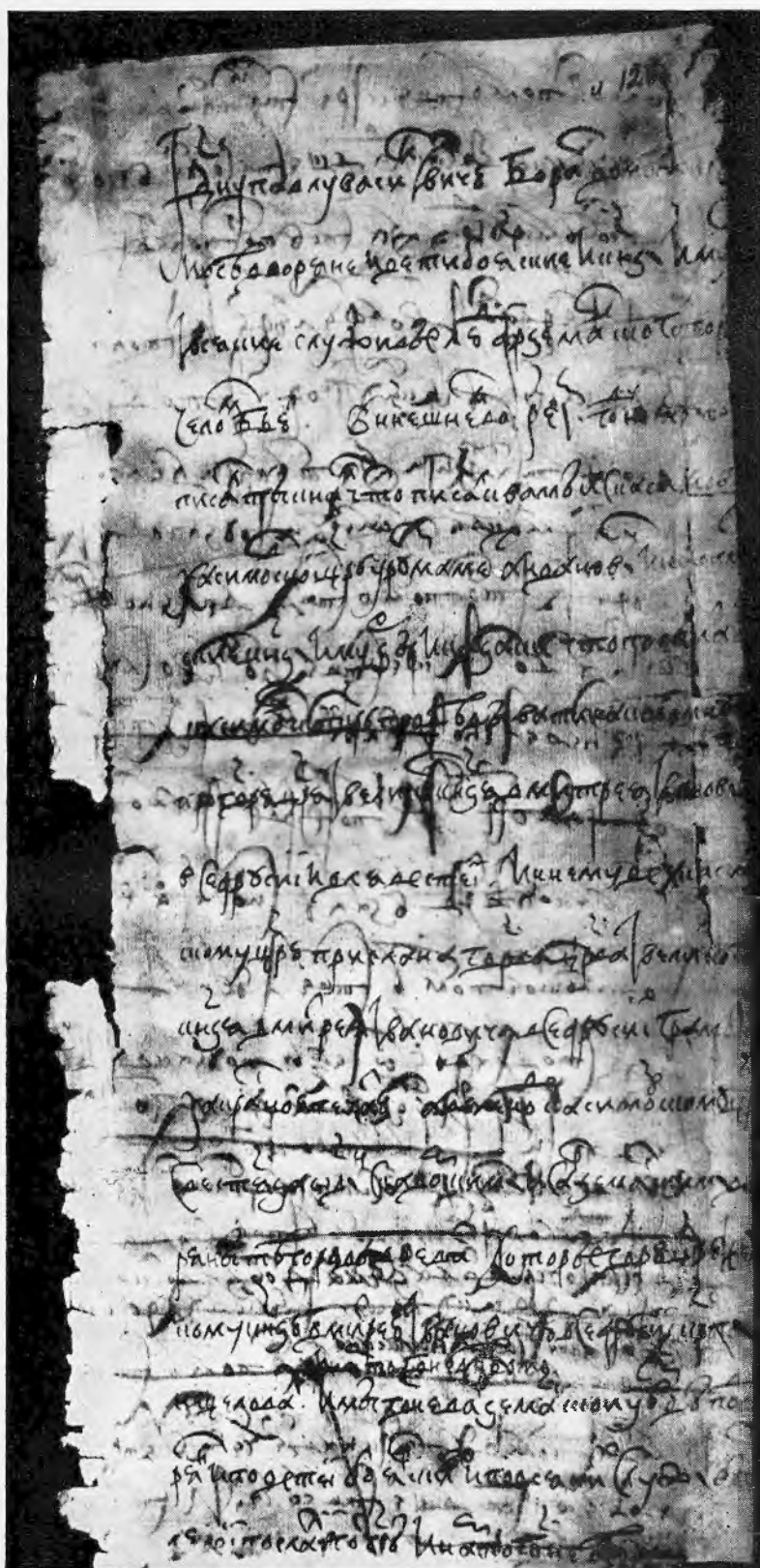

Фото I — Общий вид состава 128 об. после снятия наклеек. Фотография получена в лучах собственной люминесценции документа при возбуждении линией ртутного спектра в 365 нм. Масштаб 0,8 : 1.

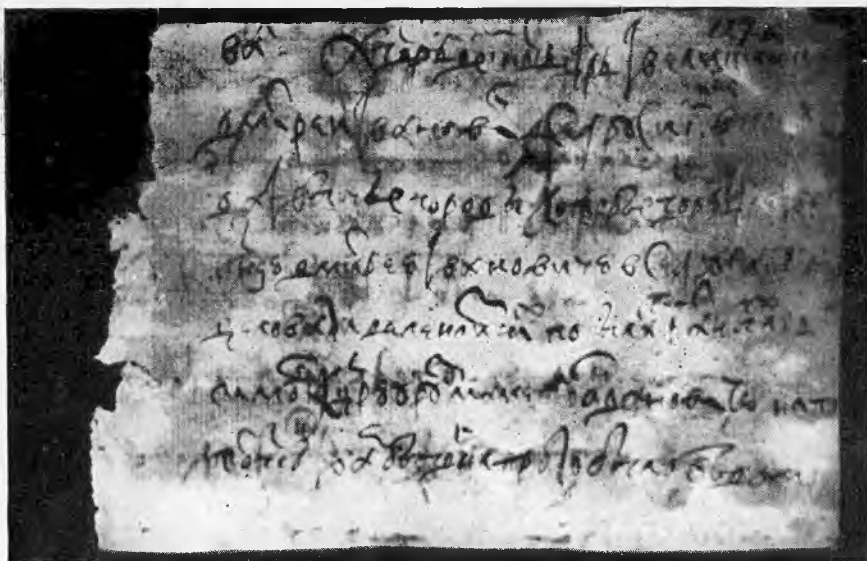

Фото 2. Общий вид состава 127 об. после снятия наклеек. Фотография получена в лучах собственной люминесценции документа при возбуждении линией ртутного спектра в 365 нм. Масштаб 0,8:1.

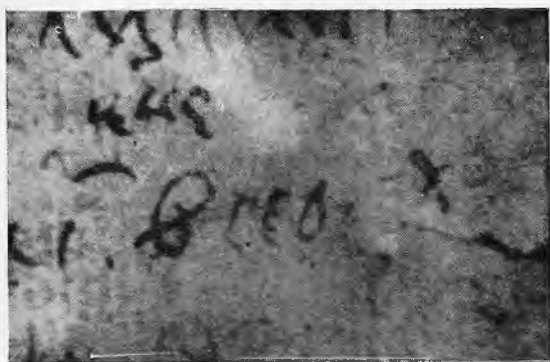

Фото 3. Фрагмент состава 127 об., со словом «Колу[ге]». Фотография получена в лучах собственной люминесценции, возбужденной линией ртутного спектра 365 нм. Масштаб 3,5:1.

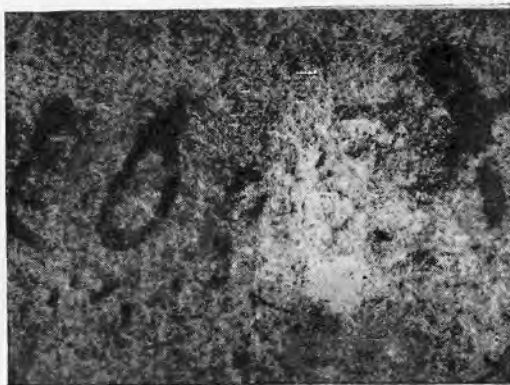

Фото 4. Сстаз 127 сб., фрагмент слова «Колу[ге]» с максимально выявленными оставшимися элементами буквы «Л». Макрофотография получена в лучах собственной люминесценции, возбужденной линией ртутного спектра 313 нм. Масштаб 8,5:1.

Фото 5. Калька слова «КОЛУГЕ», полученная на просвет с макрофотографии. Сплошной заливкой показаны оставшиеся элементы букв, контурной линией и пунктиром очертания двух букв «Л», взятых из других слов обоих составов. Масштаб 8,5:1.

Итак, как я уже сказал, моя гипотеза о «Коломенском» не подтвердилась. Напротив, в одном из двух случаев оказался прав В. И. Корецкий, и в тексте грамоты № 1 после расклейки отчетливо читается: «на Ксломну».

Однако расклейка другого документа не подтвердила и конъектуры В. И. Корецкого. И вместо ожидаемого слога «Ло» текст содержал фрагменты двух букв — одной, плохо читаемой, и другой — достаточно сохранившейся для определения как «У» («Ук») (см. фото 3). В итоге результаты расклейки второй грамоты, во-первых, исключали предположенное В. И. Корецким чтение «Коломна». Во-вторых, расклейка буквы «У» в продолжении слова «Ко» создавала возможность чтения «Колу», восстанавливая первую из раскрытых букв, сохранившуюся в виде фрагментов, как «Л», что, вместе с несохранившимся окончанием⁷, давало чтение «Колу[ге]» с северной, огающей огласовкой, обычной для актов, особенно происходящих из Поволжья.

Такое чтение, однако, первоначально вызывало ряд сомнений, во-первых — в правомерности восстановления третьей буквы в слове как «Л»; во-вторых, некоторые особенности написания первой буквы слова ставили под вопрос ее чтение как «К». Такого рода сомнения, высказанные археографами и палеографами на предварительном обсуждении итогов реставрационных работ в июле 1964 г. в ЛОИИ, делали необходимым продолжение изучения. Оно было осуществлено Д. П. Эрастовым, применившим сложную и тонкую методику оптико-фотографического исследования и реставрации документов.

Результаты этого изучения оказались весьма плодотворными. Во-первых, они устранили все сомнения в отношении буквы «К», доказав, что вызывавшая сомнения деталь в написании буквы «К» представляет собой постороннее тело, механически прилипшее к ножке буквы «К». Во-вторых, Д. П. Эрастову удалось добиться гораздо более отчетливого выявления сохранившихся фрагментов третьей буквы, что в конечном счете подтвердило правильность ее чтения как «Л» (см. фото 4).

Проверка этих наблюдений путем калькирования фотографий дала положительные результаты (см. фото 5). При этом по своим начертаниям и буква «Л» и буква «У» близки к другим случаям употребления этих букв в данных документах. Еще нагляднее правомерность восстановления буквы «Л» доказывается путем наложения на фрагменты буквы «Л» в слове «Колу» воспроизведенной в том же масштабе буквы «Л», извлеченной из тех же актов и отпечатанной на пленке. При этом сохранившиеся фрагменты буквы «Л» в слове «Колу» целиком укладываются в контуры буквы «Л» на пленке.

Таковы соображения палеографического порядка в пользу чтения «Колу[ге]».

К ним можно добавить еще два доказательства исторического характера.

Первое из них — это то, что к первоначальной редакции фразы о местонахождении «царя Димитрия»: «А государь деи наш царь и великий князь Димитрей Иванович всеа Русии в Колуге», сделана пояснительная вставка «ныне». Если учесть, что основное число документов — четыре из пяти — относятся к ноябрю 1606 г., т. е. к тому моменту, когда Болотников (а тем самым и символический «царь Димитрий») находился в Коломенском, то сообщение о пребывании «царя Димитрия» в Калуге, куда Болотников отступил в начале декабря 1606 г., представляло собой новость, требующую специального пояснения, что и было достигнуто

⁷ Хотя и после обрезки края столбца в XIX в. (см. сообщение Д. П. Эрастова) оставшаяся часть строки после буквы «У» содержит достаточно места для написания, во всяком случае, еще одной буквы, — тем не менее весь текст здесь полностью съеден клеем и не поддается выявлению имеющимися в распоряжении специалистов средствами.

вставкой слова «ныне». Фраза о нахождении «царя Дмитрия» «ныне в Колуге» датирует данную отписку не ноябрем, как полагал В. И. Корецкий, а декабрем 1606 г.

Такая датировка отписки вполне соответствует еще одному важному месту грамоты, которое находилось под заклеюшкой и было нечитаемо. Теперь это место раскрыто и определяет цель посылки в Касимов по распоряжению «царя Дмитрия» ратных людей, указывая, что этой целью являлась срочная помощь касимовскому царю («на помочь тотчас»). Но такая ситуация в Касимове никак не подходит к ноябрю 1606 г., когда грамота «царя Дмитрия» (воспроизводимая в отписке № 1) отводит касимовскому царю совсем иную роль — «воевать» города, верные В. Шуйскому. Напротив, она вполне отвечает положению в Поволжье в декабре 1606 г., когда на Касимов двигалась карательная экспедиция воевод Шуйского (подробнее см. ниже).

Итак, историческое содержание отписки относит ее к декабрю 1606 г., т. е. именно к «Калужскому» периоду восстания Болотникова, подкрепляя тем самым чтение «Колуге», полученное путем палеографического анализа.

Я не буду касаться здесь более частных открытий в текстах отписок в результате их реставрации. Достаточно сказать, что они позволяют превратить почти все предположительные чтения в точное чтение текста. Это делает, по-моему, бесспорным желательность новой публикации Поволжских отписок в их реставрированном виде.

Двухмесячный период осады Болотниковым Москвы (около 7 октября — 2 декабря 1606 г.) является временем высшего подъема, кульминационным пунктом восстания Болотникова.

Приход к Москве армии крестьян и холопов не только ставил под удар восставших политический центр государства, но вместе с угрозой захвата Болотниковым Москвы нес в себе угрозу и для самых основ власти господствующего класса Русского государства — класса феодалов-крепостников. Наиболее наглядным и ярким выражением этого может служить то, что загородная резиденция московских царей — село Коломенское оказалось в руках восставших крестьян и холопов, превратившись не только в место расположения войск Болотникова, но вместе с тем и в политический центр восстания, противостоящий политическому центру крепостнического государства — Москве.

К этому новому центру тянула огромная территория — свыше 70 родов, — перешедшая под власть восставших крестьян. И если на первом этапе восстания Болотникова — во время похода на Москву — роль политического центра восстания в какой-то степени сохранялась за Путивлем (где остался сидеть воеводой Шаховский — но уже не от Шуйского, а от «царя Дмитрия»), деятельность же Болотникова (как и Истомы Пашкова) сосредоточивалась на руководстве военными действиями, — то теперь в Коломенском не только сосредоточивалось руководство военными действиями по осаде Москвы, но туда стягивались нити из районов, охваченных восстанием. Из Коломенского же руководители восстания осуществляли разного рода мероприятия политического характера.

К сожалению, эта сторона истории восстания Болотникова — то, что можно назвать его внутренней историей, — почти не отражена в источниках. Такое положение дел объясняется тем, что основной фонд источников по истории восстания Болотникова по своему происхождению принадлежит к крепостническому лагерю — к лагерю врагов восстания, и историю восстания приходится поэтому изучать по материалам, относящимся к борьбе с восстанием.

В этих материалах факты, характеризующие действия восставших крестьян и холопов, естественно, изображаются с позиций крепостников-феодалов тенденциозно, в искаженном свете. Тем ценнее поэтому нахождение (В. И. Корецким) источников, происходящих из лагеря восста-

ния⁸. Источниками этими являются пять фрагментов грамот (отписок), руководителей отрядов восставших, действовавших в Поволжье.

Все отписки датируются ноябрем — первой половиной декабря 1606 г.,⁹ т. е. падают как раз на время осады Москвы Болотниковым и его перехода в Калугу. Это счастливое обстоятельство и позволяет через посредство поволжских отписок познакомиться с тем, что происходило в это время в политическом центре восстания, так сказать, проникнуть в центральный штаб восставших холопов и крестьян.

Самое главное, что дают отписки для вопроса о политическом центре восстания, — это то, что они сообщают относительно «царя Димитрия».

Так, в одной из отписок сообщается, что «посылал де касимовской царь проведывати на Коломну про государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии и для вестей. И к нему де х касимовскому царю прислана государева царева и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамота, за красною печатью, а велено де касимовскому царю свестись за один с кадомскими и с арзамаскими дворяны те города воевать, которые государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии креста не целовали»¹⁰. В других отписках речь идет о посылке отписок «к государю тотчас»¹¹, об «указе

⁸ По вероятному предположению В. И. Корецкого, эти документы представляют собой «остатки делопроизводства, которое велось восставшими в Арзамасской приказной избе», учеленные благодаря тому, что позднее, уже в правление Михаила Романова, были использованы представителями арзамасской воеводской администрации в качестве писчей бумаги при составлении черновиков текущего делопроизводства — на чистой оборотной стороне этих документов. (В. И. Корецкий. К истории восстания И. Болотникова, стр. 126—127).

⁹ Я несколько расхожусь с В. И. Корецким как в определении количества отписок, так и в их датировке. В соответствии с этим в дальнейшем изложении отписка № 2 (по В. И. Корецкому) обозначается как отписка № 5. Отписка же № 3 (по В. И. Корецкому) представляет собой фрагменты двух самостоятельных документов, отличных как по почерку, так и по интервалу между строками. В дальнейшем изложении они обозначаются как отписка № 2 (первый фрагмент отписки № 3 по В. И. Корецкому) и отписка № 4 (остальная часть отписки № 3 по В. И. Корецкому).

Что касается датировки, то раскладка в тексте отписки № 1 даты: «ноября во[смог]» позволяет датировать эту отписку первой половиной ноября, поскольку восьмое ноября представляет собой дату письма в Арзамас адресата отписки № 1 Павла Васильевича, на которое ссылается отписка № 1.

Отписка № 2 датируется временем после 15 ноября ссылкой в ее тексте на письмо из Арзамаса от 15 ноября 1606 г. Ф. М. Доможирову, под Нижний Новгород.

Следующей по времени написания мне представляется отписка № 4 (по В. И. Корецкому), которая в дальнейшем изложении обозначается как отписка № 3. Содержащееся в ее тексте изложение отписки руководителей войска, осаждавшего Нижний Новгород, о том, что они стоят под Нижним Новгородом «третью неделю», датирует ее временем в пределах ноября 1606 г.

Напротив, вторая часть отписки № 2 (по В. И. Корецкому), хотя и не имеет даты, но и по содержанию содержащейся в ней обстановки, характеризующейся как угрожающей гибелью и разорением участникам восстания, и по настойчивому требованию присылки под Нижний Новгород воинских людей «на прибавку» как условия возможности продолжения осады Нижнего, делает вероятным отнесение этой отписки ко времени действия в Поволжье карательной экспедиции воевод Шуйского, т. е. к первой половине декабря 1606 г. В этом отношении данная ошибка очень близка к тому, что сообщается о действиях руководителей войска восставших, осаждавшего Нижний, в грамоте В. Шуйского в Муром от 15 декабря 1606 г., где также говорится о посылке «изменниками» (т. е. восставшими) из-под Нижнего в Муром специального лица с просьбой о присылке «на помощь» ратных людей.

Грамота в Муром содержит и еще одну важную в плане датировки деталь, позволяющую правильно понять начальные строки фрагмента рассматриваемой отписки, относительно того, что «[дети] боярские и бортники и всякие черные люди] крест целуют, и в Гороховце крест целуют же». В сопоставлении с сообщением грамоты В. Шуйского от 15 декабря о том, что 11 декабря в Муроме «дворяне и дети боярские и посадские люди нам крест целовали» («Действия Нижегородской губ. уч. арх. комиссии», Сборник, т. XI (1913), стр. 3—4), это место отписки, во-первых, также относит отписку на декабрь, а во-вторых, показывает, кому целовали крест: не «царю Димитрию», а В. Шуйскому.

¹⁰ Отписка № 1. Здесь и в дальнейшем текст отписок цитируется с учетом результатов реставрации и прочтения текста.

¹¹ Отписка № 2.

от государя»¹², о «государе нашем царе и великом князе Дмитрее Ивaнoвиче всеа Русии»¹³.

Все эти сообщения носят, можно сказать, сенсационный характер, заключающийся в том, что о «царе Димитрии» в отписках говорится как о реально существующем лице, находящемся в войске восставших и осуществляющем свои прерогативы верховной власти.

С особой рельефностью такая трактовка вопроса выступает в отписке № 5, где сообщение о «царе Димитрии» имеет следующий вид: «А государь деи наш царь и великий к[нязь] Дмитрей Иванович всеа Русии ныне в Колу[ге]».

Упоминание о Калуге как месте нахождения «царя Димитрия» датирует данную отписку временем после отступления Болотникова от Москвы в Калугу, причем пояснительная вставка «ныне», сделанная в первоначальный текст, свидетельствует о том, что пребывание «царя Димитрия» в Калуге — новость, требующая специального пояснения, что датирует данную отписку начальным моментом нахождения Болотникова в Калуге. Но именно такая дата написания отписки делает особенно наглядным то, что во всех случаях упоминания «царя Димитрия» в отписках общей предпосылкой является убежденность в реальности как самого «царя Димитрия» так и факта его нахождения в войске Болотникова. Когда Болотников стоял под Москвой, в Коломенском, там же находился и «царь Димитрий», свидетельством чего являлись рассылавшиеся из Коломенского «царевы грамоты» и «указы». Но как только Болотников отступил от Москвы в Калугу, так Калуга стала местом пребывания и «царя Димитрия». И с этого момента тем, кто подобно касимовскому царю посылал «проведывати» про «царя Димитрия», уже отвечали, что «государь деи наш царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Руси ныне в Колуге».

Итак, поволжские отписки раскрывают важнейшую черту политической обстановки в Коломенском во время нахождения там Болотникова. Болотников в своих политических актах, обращенных к населению Москвы и других городов, не только действовал именем «царя Димитрия», но и изображал дело так, будто сам «царь Димитрий» находится в Коломенском лагере, и что тем самым грамоты «царя Димитрия» «за красной печатью» рассылались самим «царем Димитрием»¹⁴.

Такая политическая тактика Болотникова в огромной степени усиливала воздействие на народные массы рассылавшихся из Коломенского «листов» и «грамот» (хотя вместе с тем и имела уязвимые места, ибо Болотников не мог подтвердить свои заявления, что «царь Димитрий» в Коломенском показом реального носителя этого имени)¹⁵.

В свете этого становится понятной убежденность посадских людей вятского города Котельнича в ноябре 1606 г. в том, что «царь Дмитрей» «Москву взял, а с ним де пришло многое множество людей»¹⁶. Очевидно, источником этой убежденности были сведения о нахождении «царя Димитрия» в Коломенском, полученные ими непосредственно от Болотникова через поволжские города (например, через касимовского царя).

Наконец, наполняются конкретным содержанием знаменитые слова грамоты патриарха Гермогена о том, что пришедшие в Коломенское «воры» (т. е. восставшие) «стоят и розсылают воровские листы по го-

¹² Отписка № 4.

¹³ Отписка № 5.

¹⁴ Ср. заявление участников восстания Разина относительно умершего сына царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича и низложенного и заключенного в монастырь патриарха Никона, что с ними «идет Нечай-царевич Алексей Алексеевич да Никон патриарх». («Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. I, М., 1957, стр. 101).

¹⁵ Как известно, второй Самозванец — Лжедмитрий II впервые появляется 12 июня 1607 г. в г. Стародубе.

¹⁶ ААЭ, т. II, № 60; «Восстание И. Болотникова», стр. 204.

родам», причем в этих «листах» «велят целовати крест... Ростриге» (т. е. «царю Димитрию»), «а с к а з ы в а ю т е г о проклятого «ж и в а»¹⁷.

Раскрывая активную политическую деятельность Болотникова в Коломенском, обращенную к населению Русского государства, поволжские отписки вместе с тем позволяют составить некоторое представление о характере реальной власти, так сказать, правительства «царя Димитрия», т. е. Болотникова, в отношении городов и районов, восставших против царя Василия Шуйского.

Ярче всего реальная власть правительства царя Димитрия в отношении восставших городов Поволжья выступает в вопросе об осаде Нижнего Новгорода.

Так, уже 15 ноября власти восставшего Арзамаса сообщали руководителям войска восставших, осаждавшего верный Шуйскому город Нижний Новгород, что ими велено «отписать к государю тотчас» о делах под Нижним Новгородом¹⁸. В свою очередь, в отписках в Арзамас из-под Нижнего руководители осады Нижнего предлагали арзамасским властям «однолично о том писати о нашем стоянии, и что указ от государя»¹⁹. Вместе с тем они требовали от арзамасцев «однолично нас без в[ести] не держати», подчеркивая: «А [без у]казу... от Нижнево не мочно отойти»²⁰.

Центральным вопросом отписок из-под Нижнего Новгорода был вопрос о военной помощи осаждавшему Нижний войску восставших. Именно об этом и ждали «указа от государя» руководители осады Нижнего. Это ожидание имело под собой вполне реальные основания. Стписки сохранили такой замечательный акт действий правительства «царя Димитрия», как указ о посылке ратных людей из Арзамаса под Нижний Новгород. Сообщая руководителям осады Нижнего Новгорода о посылке под Нижний ратных людей в составе двух сотен детей боярских, а также татар, мордвы и 30 человек стрельцов «с вогняным боем», власти восставшего Арзамаса с не оставляющей сомнений ясностью говорят, что эта посылка осуществляется «по государеву цареву и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии указу»²¹.

Таким образом, крупнейшее событие восстания в Поволжье — осада Нижнего Новгорода — осуществлялась под непосредственным руководством и контролем Коломенского центра восставших, куда руководители войска, осаждавшего Нижний Новгород, обращались за директивами («указом от государя») и без санкции которого («без указу») не имели права снять осаду.

Не менее выразительно демонстрирует характер власти центрального «правительства» «царя Димитрия» в отношении Поволжья то, что говорится в Поволжских отписках о касимовском царе.

Прежде всего отписки раскрывают самый факт активной политической деятельности касимовского царя на стороне восставших, рисуя Ураз-Мухаммеда в качестве одного из руководителей восставших в Поволжье, а город Касимов — как один из политических центров района восстания в Поволжье²².

¹⁷ ААЭ, т. II, № 58; «Восстание И. Болотникова», стр. 198. (Подчеркнуто мной. — И. С.).

¹⁸ Отписка № 2.

¹⁹ Отписка № 4.

²⁰ Отписка № 4.

²¹ Отписка № 3.

²² О городе Касимове и о касимовском царе Ураз-Мухаммеде см.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 105, 107, 454, 455—457. Ураз-Мухаммед являлся племянником казахского хана Тевекля, обратившегося в 1594 г. к России с просьбой о принятии казахов в подданство. В 1600 г. царем Борисом Годуновым Ураз-Мухаммеду был пожалован во владение город Касимов и титул касимовского царя. В декабре 1605 г. он получил жалованную грамоту от Лжедмитрия I с подтверждением прежних пожалований. Политическая деятельность Ураз-Мухаммеда после воцарения В. Шуйского освещается рассматриваемыми отписками.

Стоит отметить, что в 1602 г. воеводой в Касимове был Борис Доможиров, в 1606 г. арзамасский воевода и один из руководителей восстания в Поволжье.

Во-вторых, и это главное, они раскрывают, в чем выражалась эта деятельность, демонстрируя наличие двусторонней связи между касимовским царем и «царем Димитрием», т. е. иными словами, политическим центром восстания и его руководителями, действовавшими именем «царя Димитрия». При этом, если со стороны касимовского царя действия носят, так сказать, разведывательно-ориентационный характер,—посылка «на Коломну» людей «проведывати» про «царя Димитрия»,—то действия Болотникова в отношении Ураз-Мухаммеда носят активно-оперативный характер—посылка касимовскому царю «царевой грамоты» с предписанием ему «свестись за один» с кадомскими и арзамасскими дворянами «воевать» те города, которые не целовали крест «царю Димитрию».

Таким образом, грамота «царя Димитрия» наделяла касимовского царя полномочиями командующего объединенной ратью служилых людей из городов, примкнувших к восстанию. Ураз-Мухаммед и действовал на основании этих полномочий, посылая, в свою очередь, предписания в Кадом и Арзамас о мобилизации служилых людей этих уездов для похода против городов, оставшихся на стороне Шуйского²³. Есть все основания думать, что район, о котором шла речь в грамоте «царя Димитрия» касимовскому царю, не ограничивался поволжскими городами и что предписывая царевой грамотой «за красной печатью» Ураз-Мухаммеду «воевать» города, не целовавшие крест «царю Димитрию», Болотников имел в виду прежде всего главный район борьбы—Москву.

Правда, в сохранившейся части отписки № 1, дошедшей до нас в виде фрагмента, Москва не упоминается. Однако то, что одной из целей сбора ратных людей касимовским царем по грамоте «царя Димитрия» являлось вести их к Москве в лагерь Болотникова и что поход ратных людей из Касимова к Болотникову, в Коломенское, действительно был,—вытекает из привлечения других источников, хотя и известных, но сообщения которых по данному вопросу оставались исследователями без употребления. Будучи же поставлены в связь с отписками, они получают совершенно иной вес и значение.

Одним из этих источников является письмо поляка Андрия Стадницкого от 2 декабря 1606 г. из Москвы на Белоозеро, его брату Мартину²⁴. В своем письме, описывая день за днем ход военных действий между Болотниковым и Шуйским, Стадницкий (под 28 ноября по новому стилю, т. е. 18 ноября по старому стилю) сообщает: «В тот же день передавали,

²³ В отписках сохранились следы этой деятельности касимовского царя, точнее говоря, следы взаимоотношений поволжских городов с касимовским царем по вопросам войны против В. Шуйского. В отписке № 3, дошедшей в виде черновика, вместе с сообщением осылке ратных людей под Нижний Новгород, первоначально имелся раздел об аналогичной отсылке ратных людей в распоряжение касимовского царя: «А в Касимов х касимовскому царю Урузмаметю Андановичю приговорили итти досталь[ным] дворяном и детям боярским и всяким служилым людем». Однако при окончательном редактировании отписки был оставлен лишь непосредственно относящийся к Нижнему Новгороду текст. Место же о Касимове было вычеркнуто. Можно думать, что оно составило содержание самостоятельной грамоты, адресованной касимовскому царю.

²⁴ А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. 6, М., 1907, стр. 177—179; «Восстание И. Болотникова», стр. 183—185. Письмо Стадницкого носило конспиративный характер и было переслано из Москвы в Белоозеро тайно, заделанное в переплет сонетов Петрарки. Замечательно, что, говоря о войске Болотникова (которого он вообще не называет по имени), Стадницкий употребляет формулу: «к противной стороне, т. е. к известному Пашке, или что называют его или называли Лазарем», в которой неожиданное упоминание о «Лазаре» представляет своего рода шифр для иронического обозначения имени «царя Димитрия», «воскреснувшего» вновь, подобно евангельскому Лазарю, и находящегося под Москвой, в войске «противной стороны», т. е. Болотникова. Ироническая форма здесь подчеркивает, что речь в данном случае идет не о «чудесном» спасении Лжедмитрия I—ибо Стадницкие были очевидцами его гибели 17 мая 1606 г., а лишь о том, что воскресло имя «царя Димитрия», т. е. о том, что войско, стоящее под Москвой, называет себя войском «царя Димитрия».

что касимовский царек идет на помощь великому князю, по словам одних, с 5 тысяч татар, по словам других с 10 тыс., говорили и о силах Смоленской и Новгородской, но из всего этого нет ничего». Это сообщение, основанное на ходивших по Москве слухах, ошибочно превращает «касимовского царька» в сторонника «великого князя» (т. е. Шуйского). Но самый факт того, что касимовский царек «идет на помощь», отмечен Стадницким верно. Только это была помощь не Шуйскому, а Болотникову. Бесспорным свидетельством этого является рассказ Буссова, который, говоря о измене Истомы Пашкова, отмечает, что он перешел на сторону Шуйского «с боярами касимовскими и рязанскими». Эти «касимовские бояре» могли очутиться под Москвой, в войске Болотникова, только придя туда вместе с отрядом «касимовского царя»²⁵.

Итак, материалы о касимовском царе не менее ярко, чем данные об осаде Нижнего Новгорода, свидетельствуют о реальных связях отдельных районов восстания с его политическим центром в Коломенском и о какой-то форме и степени власти, которой обладало Коломенское в отношении этих районов.

Но из материалов о касимовском царе, содержащихся в поволжских отписках, следует и еще более важный вывод, а именно, что восстание Болотникова сохранило и свой политический центр и власть над районами, охваченными крестьянской войной, и после отступления Болотникова из-под Москвы в Калугу в декабре 1606 г. Я имею в виду содержащуюся в отписке № 5 формулу: «А государь деи наш царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Русии ныне в Колуге». Из этой формулы следует, что с приходом в Калугу Болотникова она становится резиденцией «царя Димитрия» и, тем самым, — политическим центром восстания.

При этом, если все связанное с «царем Димитрием», носило и в Калуге, подобно тому как это было в Коломенском, характер идеологический и символический, то роль Калуги как политического центра восстания оказывается вполне реальной, причем не только в местах, непосредственно примыкающих в Калуге, но и в таких районах, как Поволжье.

И здесь опять-таки неосцимимо значение поволжских отписок, и прежде всего отписки № 5. По своему содержанию отписка № 5 является распоряжением о посылке срочной помощи в Касимов царю Ураз-Мухаммеду, точнее, извещением о таком распоряжении: «Да и в ыные города, которые государю царю и ве[ликому] князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии кр[е]ст] целовали, велено из них посылать ратных люд[ей] в Касимов к царю Урузмамету Андановичю на по[мочь] тотчас, и вам бы, господине, про то было ведомо»²⁶.

²⁵ Известие Буссова о «касимовских боярах» имеет одну особенность, требующую специального объяснения. Оно имеется лишь в той редакции хроники Буссова, которая опубликована в русском переводе Устряловым. В других же редакциях хроники оно отсутствует. Это обстоятельство дало основание Вельяминову-Зернову (которому не был известен немецкий оригинал перевода Устрялова) поставить под сомнение аутентичность известия о «касимовских боярах» со ссылкой на то, что «в немецком подлиннике хроники Буссова, изданной Археографическою Комиссиею в 1851 г. в I-м томе Сказаний иностранных писателей о России, о Касимовцах под 1606 г. не говорится вовсе» (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 464). Недоумение Вельяминова-Зернова, однако, вполне разъясняется обращением к литературной истории Хроники. Отсутствие известия о касимовских боярах в ее издании 1851 г. объясняется тем, что в этом издании Хроника Буссова дана А. А. Куником в ее позднейшей редакции, в которой первоначальный текст рассказа об осаде Москвы Болотниковым содержится в переработанном (самим Буссовым в 1613 г.) виде. Напротив, в первоначальной редакции Хроники (дошедшей до нас через посредство так называемой Беровской редакции) известие о «касимовских боярах» имеется и в оригинале имеет следующий вид: «Casimischen und Rashanischen Bojaren» (Румян., л. 88 об.). (Подробнее см.: И. И. Смирнов. Конрад Буссов и его Хроника. В издании: Конрад Буссов. Московская Хроника, М.—Л., 1961, стр. 49).

²⁶ В. И. Корещий считал, что в отписке № 5 «начало и конец документа утрачены». Но расклейка показала, что конец столбца чистый и не имеет текста. Следовательно, конец отписки № 5 сохранился полностью. Ср. аналогичный конец отписки № 4.

Такое содержание отписки № 5 представляет разительный контраст по сравнению с отпиской № 1, предписывавшей касимовскому царю во главе рати из поволжских городов «воевать» города, остававшиеся верными В. Шуйскому. Теперь, к моменту написания отписки № 5, касимовский царь оказывается уже в положении нуждающегося в срочной военной помощи. Столь резкое изменение положения касимовского царя, однако, находится в прямой и непосредственной связи с ситуацией, создавшейся в Поволжье в начале декабря 1606 г., после поражения Болотникова под Москвой, когда Поволжье становится ареной действия карательной экспедиции воевод Шуйского (во главе с князем И. М. Воротынским), посланной В. Шуйским, сразу же после поражения Болотникова под Москвой, для подавления восстания в Поволжье.

Основным районом действия рати Воротынского, а также воевод Пушкина и Одогурова, были «Арзамасские и Алатырские места» с центром борьбы под Нижним Новгородом. Но наряду с походом в Арзамас и к Нижнему Новгороду воеводы Шуйского двигались и на резиденцию «касимовского царя» — г. Касимов. Касимовский район действия экспедиции Воротынского остался не замеченным исследователями. Но, тем не менее, следы этих действий имеются в источниках. Я имею в виду Боярский список 1607 г., где над записью: «Князь Юрьи княж Петров сын Ушатой» имеется помета: «В Касимове»²⁷.

Р. В. Овчинников, опубликовавший боярский список 1607 г., видит в этой помете «указание на то, что боевой воевода кн. Ю. П. Ушатый в период осады Калуги был на службе в Касимове. Очевидно, в задачи Ю. П. Ушатого входил «збор» касимовских татар на «государеву службу». И действительно, отряды касимовских татар принимали участие в походе на Тулу и в осаде ее летом и осенью 1607 г.»²⁸. Комментарий Р. В. Овчинникова, однако, не может быть принят. Прежде всего, вопреки ссылке Р. В. Овчинникова на Карамзинский хронограф, именно в Карамзинском хронографе, в перечне татарских отрядов в войске В. Шуйского под Тулой отсутствуют касимовские татары. И они впервые названы лишь в описании похода «на Северские города» зимой 1608 г.²⁹.

Во-вторых, и это самое главное, Юрий Ушатый попал в Касимов вовсе не для «збора» касимовских татар на службу, а при совершенно иных обстоятельствах. Обстоятельства эти помогают раскрыть запись Карамзинского хронографа о битве на Пчельне 3 мая 1607 г. В этой записи среди воевод Шуйского назван и Юрий Ушатый со следующим пояснением: «А князь Юрья прислан ис под Олексина от боярина и воеводы князя Ивана Михайловича Воротынского, а князь Юрьи Ушатой Воротынскому был товарищ»³⁰. Итак, накануне битвы на Пчельне Юрий Ушатый находился под Алексинем в качестве товарища воеводы князя Воротынского. Отсюда следует, что и попал под Алексин Юрий Ушатый также вместе с Воротынским. Но относительно последнего новый летописец определенно говорит, что Воротынский отошел под Алексин после того как «град Арзамас взял»³¹. Очевидно, тот же маршрут проделал и Юрий Ушатый. В свете этих материалов становится понятным и нахождение Юрия Ушатого в Касимове.

²⁷ Р. В. Овчинников. Боярский список 1607 г. «Исторический архив», т. VIII, стр. 76.

²⁸ Там же, стр. 72.

²⁹ «Из Мещерских городов князи и мурзы и татарозя, а с Касимовскими мурзы и с татары голова Ждан Петров сын Болтин, а с Кадомскими Остафей Яковлев сын Соловьев, с Темниковскими Федор Клокачев, с Арзамаскими Степан Шипилов нижегородец». (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 336—337, 338—339).

³⁰ Там же, стр. 333.

³¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

В одной из разрядных записей, вслед за разрядом под Калугой воевод И. И. Шуйского и Н. Романова, имеется следующая запись: «Того ж году в Косимове воеводы: княз Юрье княз Петров сын Ушатого да Тимофей Васильев сын Грязнова. Того ж году в Орзамасе Тимофей Матвеев сын Лазорев»³². Значение этой записи заключается в том, что она ставит нахождение Ю. Ушатого в Касимове в один хронологический ряд с посылкой под Калугу Ивана Шуйского и появлением в Арзамасе воеводы Лазарева. Посылка Ивана Шуйского под Калугу против засевшего там после поражения под Москвой Болотникова относится к декабрю 1606 г. Т. М. Лазарев стал арзамасским воеводой после взятия Арзамаса Воротынским, когда заменил участника восстания в Поволжье — Б. И. Доможирова³³. Но отсюда следует, что, подобно Т. М. Лазареву, и Юрий Ушатый стал воеводой в Касимове, когда Касимов вслед за Арзамасом был взят войсками Воротынского, «товарищем» которого являлся Юрий Ушатый.

Материалы о Юрии Ушатом, свидетельствуя о том, что действия карательной экспедиции воевод Шуйского в Поволжье распространялись не только на «Арзамасские и Алатырские места», но и на район Касимова, делают понятным актуальность вопроса о «помощи» касимовскому царю. Вместе с тем эти материалы делают понятной и ссылку в тексте отписки № 5 о нахождении «царя Димитрия» «ныне в Колуге». Ибо поход Воротынского — Ушатого на Касимов относится именно к тому времени, когда Болотников (а тем самым и «царь Димитрий») находился в Калуге.

Для более точной датировки отписки № 5 существенное значение имеет грамота В. Шуйского в Муром от 15 декабря 1606 г., в тексте которой воспроизводится сообщение воевод В. Шуйского из Мурома от 11 декабря 1606 г. о поимке ими в Муроме некоего «сына боярского Боженка Есина», посланного из Нижегородского уезда «изменниками» в Муром «для ратных людей, чтоб вы прислали с ним на помощь ратных людей»³⁴.

Из грамоты В. Шуйского, таким образом, видно, что 11 декабря 1606 г. в Муроме еще находились эмиссары восставших, посланные из под Нижнего Новгорода в поисках ратных людей «на помощь». Но отсюда следует, что и для Касимова вопрос о «помощи» для борьбы с Воротынским, шедшим по маршруту Муром — Арзамас, приобрел особую остроту к середине декабря — время, к которому вероятнее всего отнести и отписку № 5. Такая датировка отписки № 5 представляется вероятной и с точки зрения ситуации в Калуге, где десятые числа декабря — до прихода под Калугу рати И. И. Шуйского, — как раз характеризуются большой активностью Болотникова и его успехами в борьбе с воеводами Шуйского. В этом плане большой интерес представляет рассказ Диаментовского о сражении под Калугой между Болотниковым и Дмитрием Шуйским: «Дмитрий Шуйский пустился с людьми за тем войском, которое было отогнано от Москвы и осадил его в Калуге. Осажденные взяли себе три дня на размышление: сдаваться или нет, а тем временем дали знать в другие города. Тотчас прибыли на помощь и так неожиданно напали на него с тыла, а осажденные выйдя из Калуги, — спереди, и разгромили войско Шуйского»³⁵. В рассказе Диаментовского особенно существенно указание на переписку между Калугой и «другими городами», а также то, что предметом этой переписки являлся вопрос о «помощи».

³² С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, М., 1907, стр. 143.

³³ Наиболее ранний по времени акт с именем Т. М. Лазарева в качестве арзамасского воеводы датирован 2 июня 1606 г. (С. Б. Веселовский. Арзамасские поветные акты, М., 1915, № 223). Но несомненно Т. М. Лазарев стал арзамасским воеводой значительно раньше.

³⁴ «Действия Нижегородской губ. уч. арх. комиссии», сб., т. XI, стр. 3.

³⁵ «Восстание И. Болотникова», стр. 168.

Правда, у Диаментовского в данном случае речь идет о помощи из других городов самой Калуге. Но, очевидно, что совершенно так же мог ставиться и вопрос о «помощи» в отношении других центров восстания.

Все сказанное вполне объясняет происхождение отписки № 5, позволяя рассматривать ее как сообщение о грамоте «царя Димитрия», аналогичной той, о которой идет речь в отписке № 1, но только отправленной уже не из Коломенского, а из Калуги и посвященной не вопросу об организации войска во главе с касимовским царем — воевать против городов, оставшихся верными Шуйскому, а вопросу о помощи самому касимовскому царю для борьбы против двигавшейся на Касимов карательной экспедиции князей Воротынского и Ушатого.

Как рисуется в это время обстановка в самом Касимове? К сожалению, данных по этому вопросу очень мало. Пожалуй, самое надежное из того, что можно извлечь по этому поводу о касимовском царе из источников, — рассказ Исаака Массы о том, что «в марте (1607 г.) царь (В. Шуйский. — И. С.) повелел Касимовскому царю выступить со своими татарами в поход и опустошить страну вокруг (его владений), чтобы мятежники нигде не могли найти ни припасов, ни провианту»³⁶. Из рассказа Исаака Массы следует, что весной 1607 г. касимовский царь находился в Касимове и подчинялся Шуйскому. Это значит, что после поражения Болотникова под Москвой Ураз-Мухаммед не пошел ни в Калугу с самим Болотниковым, ни в Тулу, куда отступила из-под Москвы другая часть войска восставших, а вернулся обратно к себе, в Касимов, хотя и сохраняя лояльность в отношении «царя Димитрия» (о чем свидетельствует отписка № 5).

Возвращаясь к материалам о Юрии Ушатом, следует констатировать, что Ураз-Мухаммеду не удалось отразить наступление воевод В. Шуйского и Касимов капитулировал, подобно Арзамасу и Алатырю, получив в дополнение к царю Ураз-Мухаммеду воеводу Шуйского — Юрия Ушатого. Сам же касимовский царь подчинился В. Шуйскому, однако лишь формально и не надолго — с тем, чтобы в 1608 г. окончательно связать свою судьбу с Лжедмитрием II³⁷.

Таков тот комментарий, который можно сделать к поволжским отпискам, найденным В. И. Корецким.

Значение этих отписок как исторического источника, конечно, не в том, что ими заполняется лакуна в истории о касимовских царях и царевичах³⁸. И даже не в том, что они расширяют наши представления о движении в Поволжье во время восстания Болотникова.

Основное значение поволжских отписок — в том, что в них нашла свое отражение деятельность политического центра восстания «правительства» «царя Димитрия», причем в самый важный период восстания — во время нахождения Болотникова в Коломенском и в Калуге.

³⁶ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 168.

³⁷ Последняя попытка В. Шуйского использовать Ураз-Мухаммеда на своей стороне относится к осени 1608 г., когда «в Касимов к царю» был послан князь Барятинский с предписанием идти «с царем» в Суздаль (С. А. Белокуров. Разрядные записи, стр. 15). Однако вместо подчинения воеводе В. Шуйского Ураз-Мухаммед предпочел перейти на сторону Лжедмитрия II и был приведен «к шерти» (присяге) на имя Лжедмитрия II. («Сборник кн. Хилкова», № 12/3, стр. 16). С точки зрения позднейшей политической эволюции Ураз-Мухаммеда, его действия в 1606—1607 гг. — и участие в восстании Болотникова и, позднее, признание правительства Шуйского — бесспорно, являлись компрометирующими обстоятельствами. Этим, несомненно, объясняется то, что в своем письме Яну-Петру Сапеге Ураз-Мухаммед делает упор на то, что он «при Борисе Годунове живот свой мучил», обходя молчанием дальнейший период своей деятельности, вплоть до ноября 1608 г., и вместе с тем отвергая квалификацию его как «изменника» со стороны некоего новокрещена и решительно заявляя: «А я государю царю и великому князю Дмитрию Ивановичу всеа Руси не изменник» («Сборник кн. Хилкова», № 12/XIX, стр. 30—31).

³⁸ См. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 455.